

АНГИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Рената Дэниэл

Само́сть

*Сущность
и проявление
центрального
архетипа
аналитической
психологии*

Рената Дэниэл
Самость. Сущность
и проявление
центрального архетипа
аналитической психологии
Серия «Юнгианская психология»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67630892
Самость. Сущность и проявление центрального архетипа
аналитической психологии: Когито-Центр; Москва; 2021
ISBN 978-5-89353-634-8, 978-3-17-030168-9

Аннотация

Книга Ренаты Дэниэл – это волнующее и познавательное знакомство с новым для русскоязычного читателя юнгианским автором. Ее книга посвящена самому значительному и самому загадочному юнгианскому понятию, самой могущественной движущей силе и сущности души, психики человека, общества и мироздания – Самости в ее отношениях с человеческим Эго. Несмотря на многочисленные определения и описания Самости, постичь ее можно лишь через собственный опыт и, как всякий архетип, через образы и символы. Рената Дэниэл

приводит множество ярких примеров проявления Самости на коллективном и индивидуальном уровне, в исторической перспективе и в наше время, рассматривая при этом не только мифы и сказки, но и художественные произведения, фильмы и явления современной жизни. Цель автора не столько научить (хотя и это, безусловно, тоже), сколько расширить взгляд читателя, добавить новую грань к той призме, через которую мы смотрим на окружающий мир и соотносим его с нашим внутренним миром, помочь читателю увидеть и почувствовать движение вечного в современном, в самом себе, в других людях, в обществе и в мире.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Глава 1. Концепция Эго и Самости К. Г. Юнга	12
Теоретические представления К. Г. Юнга об Эго, эго-сознании и эго-комплексе	12
Концепция Самости у К. Г. Юнга	21
Парадокс Самости	24
Символы Самости	36
Самость как Бог Отец, Эго как Бог Сын	40
Эволюция Самости	46
Абстрактные образы Бога	49
Глава 2. Динамика представлений о судьбе и Самости	51
Диффузия ответственности	51
Представления о судьбе и дух времени	54
Представление о болезни и дух времени	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Рената Дэниэл
Самость. Сущность
и проявление
центрального архетипа
аналитической психологии**

© W. Kohlhammer GmbH, Stuttgart, 2018

© Институт аналитической психологии и постдипломного
образования, 2021

* * *

Посвящается Грудель и Сириаку

Предисловие

Для меня большая честь – написать предисловие к этой книжной серии. Если окинуть взором путь, пройденный психотерапией, то сейчас кажется довольно странным, что в былые времена представители разных школ яростно спорили о том, которая из них эффективнее, чьи представления ближе к истине, что относится, а что не относится к «мейнстриму», но в силу этого обстоятельства может иметь гораздо больше влияния. Прошли годы, и теперь по результатам множества исследований в области психотерапии мы знаем, что есть нечто, гораздо более важное, чем психотерапевтические факторы: это характер отношений между терапевтом и пациентом вкупе с верой в возможность улучшения, с внутренними ресурсами пациента, а также с окружением, в котором он живет и в котором происходит терапевтический процесс. Согласно выводам «Практического исследования амбулаторной психотерапии» (PAPs), проведенного в Швейцарии, современные психотерапевты в дополнение к инструментарию собственной школы используют многочисленные методики воздействия общего характера и, более того, применяют методы других психотерапевтических подходов.

Именно в силу того, что у нас как психотерапевтов есть много общего, и благодаря нашей непредубежденности в отношении использования методов, заимствованных у других

школ, растет наш интерес к идеям других направлений. Будучи представительницей юнгианской психотерапии, я часто убеждаюсь, что теории Юнга служат своего рода «каменоломней», а камни, добываемые в ней, можно применять для строительства любого здания, в том числе и в отличающемся от юнгианского стиле. Примером этому является юнгианская методология толкования сновидений, к которой часто обращаются, когда встают задачи интерпретации сновидения. Юнг не первым начал обращаться в процессе работы к воображению, однако иногда «забывают» о том факте, что работа с воображением является одним из краеугольных камней юнгианской теории. Так, современной теории схем, безусловно, не скрыть своей близости к теории комплексов Юнга, появившейся столетием ранее.

Можно найти множество пересечений и с другими подходами, поскольку идеи Юнга еще не получили достаточно широкой известности. Именно поэтому я горячо поддерживаю совместную идею Ральфа Фогеля и издательства «Колхаммер» издать серию книг, в которых представлены основные концепции Юнга и их современное развитие, как теоретическое, так и практическое. Я убеждена, что юнгианская теория, в которой столь важное место отводится образам и визуализации, может стать источником вдохновения для коллег, работающих в других психотерапевтических подходах.

Верена Каст

Введение

Хотя в нашей речи постоянно звучат слова, содержащие корень «сам» – например, самооценка, самоуверенность, самокритика, – объяснить, что такое *сам*, *Самость* – сложно. В равной степени непросто дать определение и слову *эго*, а также провести различие между терминами *Самость* и *Эго*. Для нас очевидно, что *Самость* и *Эго* – не взаимозаменяемые понятия, поскольку обычно мы говорим не об эго-уверенности или эго-исцелении, а о самоуверенности и самоисцелении, а эго-сознание отличается от самосознания. Эго – не то же самое, что Самость, различиям между двумя понятиями и посвящена эта книга.

Для психологов эти различия представляют большой интерес и значимость. Разные психологические школы предлагают свои определения *Эго* и *Самости*, отчасти перекликающиеся, отчасти различающиеся, и, чтобы избежать возможных недоразумений и недопонимания, следует разобраться с этими определениями. Обычно концепция, которую мы выбираем, является для нас наиболее убедительной. Иногда мы смешиваем понятия, не всегда осознанно, а порой у нас возникают расхождения в том, как их трактовать.

Цель этой книги состоит не в том, чтобы найти наиболее убедительную концепцию Самости; она заключается в том, чтобы изложить ключевые идеи К. Г. Юнга относительно Эго

и Самости и увидеть их связь с современной жизнью.

Знакомство с концепцией Самости Юнга – это углубление в его представления о человеке, Боге, божественном, вере. Исследуя эти вопросы, Юнг придерживался психологического подхода и считал его вполне оправданным, так как они всегда будоражили умы, а те или иные ответы на них всегда оказывали глубокое влияние на образ жизни людей и отношения между ними. То, как мы отвечаем на эти вопросы, во многом определяет этические нормы, общественно-политические процессы, идеологический выбор, а также терапевтические модели для работы с пациентами.

Идеи и высказывания Юнга об Эго и Самости порой трудны для понимания и могут показаться противоречивыми. Некоторые нестыковки можно объяснить тем, что он работал над своей теорией в течение нескольких десятилетий, пересматривая и совершенствуя ее по мере появления новых идей и приобретения опыта. Однако именно парадоксальность, нечеткость и противоречивость являются существенными элементами концепции Самости, поскольку любые связанные с ней гипотезы, по крайней мере отчасти, выходят за рамки человеческого воображения и рациональной логики. Людей может раздражать, что затрагиваются религиозные вопросы, то, к чему они относятся с благоговением и что для них священо. Посягательство на святыни во все времена и у любых народов вызывало болезненную реакцию. Едва ли можно оставаться спокойно в ответ на неуважитель-

ное отношение к своим самым сокровенным убеждениям. В силу этого данная книга может порой провоцировать, вызывать несогласие или даже раздражать ее читателей.

Я бы очень хотела, чтобы вы, читатели этой книги, как можно глубже прониклись обсуждаемыми здесь идеями и отнеслись к ним без предубеждения. Моя цель не в том, чтобы убедить вас в идеях Юнга, а скорее в том, чтобы способствовать осознанному пониманию ваших собственных идей и связанных с ними убеждений, а также их влияния на ваше самовосприятие и видение мира.

Есть множество подходов к теме «Эго и Самость», однако мне ближе всего то, что говорит философ Одо Марквард:

«Потому что люди – это их истории. Но истории нужно рассказывать. Это то, чем занимаются гуманитарные науки: рассказывая, они компенсируют ущерб от модернизации; и чем более она объективирована, тем больше – в целях компенсации – нужно рассказывать историй, иначе люди умрут от нарративной атрофии» (Marquard, 1986, S. 105).

Такие значимые истории, как мифы, сказки, религиозные и литературные тексты, затрагивают значимые темы, обращаясь к фундаментальным проблемам человеческого бытия. Эти тексты носят символический характер, и в силу этого в них не всегда удастся ухватить суть, что-то хотя бы частично ускользает от понимания. В силу этого то, что рассказано и пережито, носит временный характер и практически не под-

лежит научной аргументации. Именно поэтому я призываю читателя к максимальной открытости в отношении данной темы и способа ее изложения в этой книге.

Глава 1. Концепция Эго и Самости К. Г. Юнга

Теоретические представления К. Г. Юнга об Эго, эго- сознании и ЭГО-КОМПЛЕКСЕ

Давайте посмотрим, как К. Г. Юнг описывает Эго:

«Несмотря на свою безграничность, Эго никогда не бывает ни больше, ни меньше, чем сознание в целом. Эго как сознательный фактор, по крайней мере, теоретически, поддается исчерпывающему описанию. Последнее, однако же, всегда будет не более чем портретом сознательной личности; в нем будут отсутствовать все черты субъекта, неизвестные ему или им не осознаваемые. Полная картина должна была бы включать их...» (Jung, GW: 9/2, 7).

Согласно Юнгу, Эго и сознание представляют собой способности, связанные с функциями познания, распознавания и понимания. Таким образом, мы знаем теперь о некоторых центральных характеристиках сознания, но пока еще не знаем, как оно устроено и как функционирует. Например, нейробиолог Антонио Дамасио подвергает серьезному сомне-

нию способность когнитивистики когда-либо постичь и объяснить феномен сознания (Damasio, 2001, S. 23). Несмотря на все сложности с пониманием того, что такое сознание, мы не можем обойтись без использования этого термина.

В то время как сознание представляет собой способность человека познавать мир и приобретать навыки, эго-сознание позволяет нам познавать и осознавать самих себя. Новорожденный ребенок не обладает самосознанием, оно развивается постепенно и дифференцируется последовательно. Примерно в двухлетнем возрасте начинает пробуждаться эго-сознание. В этом возрасте ребенок перестает говорить о себе в третьем лице, то есть вместо прежнего «Сара хочет печенье» объявляет: «Я хочу печенье».

Взрослые могут иногда почувствовать, как пробуждается эго-сознание, в состоянии перехода от сна к бодрствованию. Проснувшись, мы в течение нескольких секунд не совсем понимаем, где мы находимся и какой сегодня день. Способность ориентироваться в пространстве и времени и осознавать себя возвращается к сознательному Эго только после окончательного пробуждения. Изредка бывает и так, что вполне здоровый человек, проснувшись утром, в течение небольшого промежутка времени не может вспомнить, кто он такой. Нейропсихолог Марк Виттман однажды испытал подобное состояние на собственном опыте (Wittmann, 2015, S. 7). Однако уже спустя несколько мгновений память вернулась к нему, а вместе с ней и стабильное Эго, и определен-

ность по поводу собственного существования и бытия. Таким образом, способность помнить является фундаментальной предпосылкой эго-сознания: ведь мы не можем осознанно запоминать свои переживания периода раннего детства до того, как возникает Эго. Возможность осознанного запоминания появляется только после того, как сформировано Эго, но при этом формируется оно на основе памяти. Без автобиографической памяти мы бы не знали, кто мы, из чего состоит наше Эго и как оно связано с окружающим миром. Эго начинает осознавать себя с того момента, когда у нас появляется осознанная история, то есть когда появляется доступ к нарративу нашего Эго.

Однако не все так просто. Дамасио говорит о разных уровнях эго-сознания, утверждая при этом, что нашему расширенному эго-сознанию требуется целый ряд когнитивных способностей – внимание, концентрация, рефлексия и т. д. (Damasio, 2001, S. 104 etc.). Самые важные способности – научение и память – обеспечивают расширенному эго-сознанию возможность сложного взаимодействия с самим собой и с миром. Дамасио предполагает, что еще до того, как возникает представление о себе и появляются воспоминания, и, следовательно, до того, как приобретен какой-либо опыт, связанный с научением, у ребенка уже есть так называемая ядерная самость, то есть ощущение своего бытия, восприятие самого себя – «Это я».

Дамасио считает, что, если это ядерное сознание не на-

рушено, человек испытывает эмоции, которые неразрывно связаны с первичным ядерным сознанием – отсюда название его книги: «Я чувствую, следовательно, я существую». Это утверждение вполне согласуется с идеей Юнга об Эго как о комплексе:

«Под Эго я понимаю комплекс представлений, составляющий для меня центр поля моего сознания и который, как мне кажется, обладает в высокой степени непрерывностью и тождественностью (идентичностью) с самим собой, поэтому я говорю об эго-комплексе. Этот комплекс есть настолько же содержание сознания, насколько и условие сознания <...> ибо психический элемент осознан мной постольку, поскольку он отнесен к эго-комплексу. <...> оно не тождественно моей психике в целом, а является лишь комплексом среди других комплексов» (Jung, GW: 6, 730).

Латинский корень слова «комплекс» означает «включать», «переплетать» и «завершать», что указывает на относительную самостоятельную целостность каждого комплекса и наличие в его составе нескольких компонентов. Комплекс включает в себя весь опыт взаимоотношений и представлений, относящихся к сохраняемому в памяти его содержанию. В случае эго-комплекса речь идет о переживаниях, образах, мыслях, убеждениях или представлениях об Эго, неразрывно связанных с чувствами, даже с целой палитрой чувств. Наличие чувств свидетельствует о том, что эго-комплекс – явление не только психическое и что у него

также есть физиологические основания, так как чувства имеют психосоматическую природу и переживаются на физическом уровне. О связи физического и психического напоминают такие образные выражения, как «бабочки в животе» или «комочек в горле». В силу этого ядерное эго-сознание, описываемое Дамасио, судя по всему, укоренено в теле, что отражено в названии его книги: «Ощущение происходящего: как тело и эмоции порождают сознание» («The Feeling of What Happens. Body and Emotion in the Making of Consciousness»).

Без тела, и в этом Дамасио полностью согласен с Юнгом, нет ни сознания, ни эго-сознания. Вот как описывает эту взаимосвязь Юнг:

«Комплекс нашего Эго у нормального человека есть высшая психическая инстанция; под этим комплексом мы понимаем совокупность представлений нашего „Я“, сопровождаемую могучим, постоянно присутствующим характерным ощущением нашего собственного тела» (Jung, GW: 3, 82).

Эго-комплекс является, таким образом, психосоматическим явлением, в котором очень важную роль играют эмоции. Эмоции не всегда осознанны либо в силу вытеснения, либо потому что они являются составляющей бессознательных или полусознательных процессов. Именно поэтому эго-комплекс всегда больше, чем наше осознающее Эго, и, по моему мнению, никогда не бывает полностью осознанным.

Однако осознающее Эго, будучи центром эго-комплекса, может привлекать внимание к этим эмоциям, к тому, что забыто или вытеснено и, таким образом, способствовать их большей осознанности.

Осознающее Эго позволяет человеку распознавать собственное отражение. Эта способность далеко не пустяк, она является эволюционным преимуществом, поскольку животные, за исключением шимпанзе и дельфинов, не узнают себя в зеркале и либо не проявляют к своему отражению интереса, либо спасаются бегством при виде него или же бросаются на него (ср.: Roth, 2001, S. 330).

Что происходит на психологическом уровне, когда мы видим свое отражение в зеркале? Что мы можем узнать об осознающем Эго, опираясь на эту способность? Глядя в зеркало, мы как бы раздваиваемся, становимся одновременно и наблюдателем, и наблюдаемым, субъектом и объектом. Об этом пишет Томас Бернхард в книге «Ходить»:

«Наблюдая за собой, мы всегда наблюдаем не за собой, а за кем-то другим. Выходит, что мы не можем назвать это самонаблюдением, так как, говоря, что мы наблюдаем за собой, мы говорим как человек, которым мы никогда не были, не наблюдая за собой, а значит, когда мы наблюдаем за собой, мы наблюдаем не за тем, за кем мы намеревались наблюдать, а за кем-то другим» (Bernhard, 2013, S. 87).

Осознающее Эго – это своего рода акт сепарации, в связи

с чем важно понимать, что эго-сознание отличается от эго-ощущения, то есть от ощущения себя самим собой. Это отличие наиболее выражено в японском языке, где японский глагол «узнавать» означает также «быть разделенным». Речь идет о таком же различии, которое имеется между свидетелем и участником происшествия. То есть наличие эго-сознания подразумевает, что мы признаем свою способность осознавать и можем размышлять о ней, что было бы невозможно без языка. Язык и существующие в нем понятия являются предпосылкой осознанности.

Мы узнаем свое отражение в зеркале благодаря некоторому расстоянию между собой и зеркалом. Для осознающего Эго требуется дистанция, и оно же обеспечивает дистанцию. Однако чтобы узнать что-то о себе, нам не обязательно находиться перед зеркалом; мы можем смотреть на себя и внутренним психологическим взглядом. Например, когда мы злимся, мы можем спросить себя, что с нами происходит в этот момент, и с некоторого расстояния осознанно наблюдать за разозлившейся частью нашей личности. Плюс дистанцирования в том, что оно не позволяет аффекту завладеть нами целиком и полностью. Как только эго-сознание распознает злость, отпадает необходимость поддаться импульсу разрушения и позволить ему, подобно стихийному бедствию, подчинить своей власти Эго.

Так что осознающее Эго по крайней мере иногда берет на себя решение о том, что нужно сделать, оказавшись во вла-

сти неукротимого гнева. Благодаря эго-сознанию возникают различные соображения, что создает предпосылки для субъективного ощущения свободы:

«Несмотря на причинно-следственную связь, человек испытывает чувство свободы, которое идентично автономии сознания <...> Существование эго-сознания имеет значение только в том случае, если оно свободно и автономно» (Jung, GW: 11, 391).

«Эго, по определению, подчинено Самости и относится к ней как часть к целому. Внутри поля сознания оно, как мы сказали, обладает свободой воли. Эго <...> внутри поля сознания обладает – как принято говорить – свободой воли» (Jung, GW: 9/2, 9).

В терминах нейробиологии так называемая свободная воля проявляется прежде всего в способности воздерживаться от какого-либо действия (Solms, Turnbull, 2004, S. 292). Свободная воля, физические корреляты которой, согласно современным исследованиям, находятся в префронтальных долях коры головного мозга, позволяет нам сдерживать свои инстинкты или аффекты. Таким образом Эго приобретает устойчивость к фрустрации, способность к взаимодействию и дисциплину. Свободная воля Эго – это основа, предпосылка человеческой культуры, поскольку она делает возможным постепенное освобождение человека от ограничений, накладываемых природой. В то время, как дикие животные находятся целиком и полностью во власти природы, челове-

ское Эго, благодаря свободе воли, все больше и больше расширяет свои как внутренние, так и внешние границы.

Концепция Самости у К. Г. Юнга

Согласно Юнгу, с психологической точки зрения у человека есть сознание и бессознательное, а совокупность этих составляющих он называет Самостью:

«Я предлагаю личность в целом, которая, несмотря на свою данность, не может быть познана до конца, называть *Самостью*» (Jung, GW: 9/2, 9).

«Когда мы говорим о человеке, то имеем в виду неопределимое целое, невыразимую тотальность, которую можно обозначить только символически. Я выбрал для этой целостности, общей суммы сознательного и бессознательного существования термин Самость» (Jung, GW: 11, 140).

Юнг говорил о том, что мы не знаем наверняка и не можем выразить с помощью слов, кто мы и какие мы. Обладая когнитивными способностями, то есть эго-сознанием, мы тем не менее постоянно сталкиваемся с существенными ограничениями, поскольку бессознательное никогда не станет полностью осознанным. Что-то всегда будет оставаться скрытым, поэтому нам чрезвычайно сложно говорить что-либо конкретное о Самости в юнгианских терминах. Самость является сложной сущностью и находится, можно сказать, вне пределов нашего понимания; мы лишь можем составить самое общее представление о ней. Говоря об этой неоднознач-

ности и неопределенности, профессор-литературовед Петер фон Матт использует выражение «первозданная тайна человечества» (von Matt, 2003, p. 58). Мы знаем, что мы существуем, но не до конца понимаем, кто мы и что мы. По мнению фон Матта, наш разум не в состоянии разгадать эту загадку, и для этого требуется поэзия. Он ссылается на теолога, врача и мистика Ангелуса Силезиуса, который жил в XVII веке и писал об Эго, но по сути описывал Самость так же, как это мог бы сделать Юнг:

Я не знаю, что я есть. Я не то, что я знаю:

Вещь и не-вещь: точка и круг.

Центр окружности является той точкой, в которую ставится циркуль. Будучи точкой, в математическом плане она является пустотой, местом, не обладающим пространственной протяженностью. В то же время эта маленькая дырочка имеет огромное значение: это место рождения и центр круга. В своем стихотворении Силезиус противопоставляет ничтожество (в математическом плане) значимости (центр круга). Многим людям знакомо такое противостояние как переживание колебания самооценки от ощущения полного ничтожества (человек как ничего не значащий винтик) до безграничной веры в свои способности (нет ничего невозможного). Иммануил Кант в «Критике практического разума» так описывает эту борьбу противоположностей:

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще

и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. <...> Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение. <...> Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира» (Kant, 1986, S. 160).

По Канту, такие человеческие свойства, как нравственность и этика, являются ключевыми ценностями человека, в которых он может оценивать значимость и смысл – идея, перекликающаяся с приведенным выше определением свободы воли с точки зрения нейробиологии.

Парадокс Самости

Юнг пишет о двух аспектах Самости: с одной стороны, совокупность личности в ее целостности, а с другой – центр целостной личности; и это трудно понять на рациональном уровне. Самость, следовательно, может переживаться одновременно двумя совершенно разными способами: как целостность, включающая в себя Эго, и как бессознательный центр личности, который, будучи внутренней центральной точкой, взаимодействует с более слабым осознающим Эго или эго-комплексом:

«...если мы будем считать Эго подчиненным или включенным в Самость – центр тотальной, беспредельной и не поддающейся определению психической личности...» (Jung, GW: 11, 67).

В то же время Эго и Самость неразрывно связаны друг с другом, хотя характер их взаимодействия трудно определить:

«Как бы мы ни хотели определить Самость, она отлична от Я <...> она включает в себя опыт Я и затем его трансцендирует. Так же, как Я – это некоторый мой собственный опыт, так и Самость – это опыт моего Я, прожитый уже более широкой и возвышенной формой Я, воплощенной в форме не-Я» (Jung, GW: 11, 885).

Писательница Янне Теллер знакомо подобное пережива-

ние по процессу творчества. Слова приходят к ней из источника, которым является не ее Эго, и при этом трудно понять, что является целым, а что – частью:

«Когда я пишу, тогда Всё – взаимосвязано, я Всё знаю, потому что тогда я – это не я, а часть этого Всего, и это Всё является тем, что находит слова. <...> Все – это не состояние, в котором можно свободно перемещаться. <...> Нельзя утверждать, что ты знаешь Всё, потому что в итоге вещи оказываются тем, чем они быть не могут. Возникает ощущение, что Всё – это просто часть самого себя или, возможно, наоборот, что ты часть Всего, и именно поэтому тебе дана возможность проникнуться этим знанием. <...> Если говорить обо Всём, то оно исчезает. <...> Всё нельзя взять в руки, но оно может утекать сквозь пальцы» (Teller, 2013, S. 128 etc.).

«Всё похоже на безбрежное озеро единой человеческой сущности. <...> Всё – это озеро, к водам которого я принимаю, когда пишу» (ibid., S. 141 etc.).

«Всё», описанное Янной Теллер, простирается далеко за границы индивидуального Эго и индивидуального бессознательного. Оно принадлежит всему человечеству и каждому человеку. В аналитической психологии это называют коллективным бессознательным – тем слоем бессознательного, который объединяет все человечество и центром которого является Самость. Таким образом, Самость относится не только к индивидуальному уровню, но и является трансперсональной, коллективной по своей природе, о чем писал Ангел

Силезский:

«Бог – центр меня, когда Его в себя я заключаю:

Иль круг, когда я в нем, любовью переполняясь,
растворяюсь» (цит. по: Jung, GW: 14/1, 128, note 70).

Я привожу здесь эту цитату, а также слова апостола Павла «Он в вас, а вы в нем», чтобы проиллюстрировать выход Юнга на новый уровень в представлениях о Самости, когда он начинает приравнивать ее к нашему внутреннему, субъективному образу Бога, что кому-то может показаться прокативным:

«Как я уже говорил, психология не уполномочена высказывать метафизические утверждения. Она может установить лишь то, что символизм психической целостности совпадает с образом Бога, но никак не сможет доказать, ни что образ Бога и есть Бог, ни что Самость занимает место Бога» (Jung, GW: 9/2, 308).

«С интеллектуальной точки зрения Самость – не что иное, как психологическое понятие, конструкция, которая должна выражать неразличимую нами сущность, саму по себе для нас непостижимую, ибо она превосходит возможности нашего постижения, как явствует уже из ее определения. С таким же успехом ее можно назвать „Богом в нас“. Начала всей нашей душевной жизни, кажется, уму непостижимым образом зарождаются в этой точке, и все высшие и последние цели, кажется, сходятся на ней. <...> Речь не идет и об обожествлении

человека или о разжаловании бога. <...> Поэтому если мы используем понятие бога, то тем самым просто формулируем определенный психологический факт, а именно независимость и перевес в силах определенных психических содержаний, факт, который выражается в их способности перечеркивать волю, становиться навязчивыми для сознания и влиять на настроения и поступки» (Jung, GW: 7, 399 etc.).

«Единство и целокупность <...> их символы неотличимы от imago Dei...» (Jung, GW: 9/2, 60).

О том, что Бог или образ Бога находится не вне, а внутри нас, писал еще в XIII веке суфийский учитель Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми:

«Я пытался отыскать Его на христианском кресте – там Его не было;

Я отправился в индийский храм и к старинным пагодам – и не обнаружил даже следов Его.

Я искал в горах и долинах, но ни на высотах, ни в глубинах не смог найти Его.

Я пошел в Каабу и Мекку, но и там Его не было.

Я расспрашивал ученых и философов – Он был вне их понимания.

Затем я заглянул в свое сердце, и увидел, что именно там Он обитает.

И Его не найти больше нигде».

В психологическом плане, когда речь идет о разграниче-

нии внутреннего и внешнего, мы имеем дело с явлением проекции – смещением бессознательных частей нашей души вовне, на внешний мир, и тогда они становятся воспринимаемыми. То, что хранится в человеческой душе, может неосознанно и непреднамеренно проецироваться на внешний объект. Таким образом, этот объект наделяется свойствами, которыми в действительности в такой форме он не обладает. Например, когда мы говорим, что влюбленные смотрят друг на друга сквозь «розовые очки», мы говорим о том, что восприятие только что влюбившегося человека затуманено проекцией. Влюбленные воспринимают друг друга не в реальности, а в чрезмерно позитивном свете, и таким образом переоценивают качества друг друга. То, что видится влюбленному в партнере, является частью его собственной души. Таким образом, внутренний и внешний миры переплетены друг с другом: часть субъекта видится в объекте. Однако такой взгляд и такое восприятие удивляет других людей, поскольку они не влюблены, а значит, не подвержены подобной проекции.

При этом не стоит путать проекцию с заблуждением. Большинство из нас в состоянии признать свою ошибку после того, как мы получили новую или дополнительную информацию. В то же время корректировка проекции – очень сложная задача, поскольку сокрушительная сила реальности способна спровоцировать разочарование, ярость, кризис самооценки или депрессию. В то время как проекция эмоцио-

нально привязывает нас к человеку, идеологии, обстоятельству, задаче и т. д., снятие проекции ведет к сепарации либо потере, что, как правило, также сопровождается интенсивными эмоциями. В силу такой аффективной мощности проекции попытки объяснить влюбленному, что его проекции далеки от реальности, часто оказываются бесполезными. Разум оказывается порой слишком слабым инструментом для противостояния вере человека своей проекции.

Если допустить, что свойство человека проецировать распространяется и на Самость, то образ Бога может рассматриваться как конструкция человеческого разума, опосредованная духом времени. В психологическом плане следует различать, с одной стороны, образ Бога, то есть божественное духовное ядро, которым, возможно, наделен человек и о котором писали Силезский и Руми, с другой – существование независимого Бога. Можно исследовать образы Бога и говорить о них, но с самим Богом ситуация другая, поскольку Бог, по мнению многих, находится вне любых пространственных мыслительных категорий. В иудейском мистицизме эта мысль сформулирована следующим образом: «Когда начинают говорить о Боге, то, увы, перестают говорить о нем» (Röser, 2014, S. 130).

По Юнгу, та конфигурация Самости, которая составляет центр личности, также является божественной властью бессознательного, божественной волей или гласом Божиим (Jung, GW: 9/2, 49). Как правило, этот голос можно четко от-

личить от голоса разума, который принадлежит осознающему эго-сознанию и эго-комплексу.

Вот как описала связанное с этим переживание 40-летняя женщина-архитектор: «Однажды утром за завтраком я внезапно услышала голос, обращавшийся ко мне: „Тебе лучше было бы быть одной“. Я была потрясена. Что, черт возьми, это было? Я схожу с ума? Однако я слышала голос вполне отчетливо, в нем слышалась забота, но в то же время он звучал твердо, холодно и очень четко. Он очень напоминал мне мой собственный голос, но тем не менее был другим, не моим. Этот голос произвел на меня огромное впечатление и глубоко взволновал меня. Через год я услышала его снова, когда, возникнув неизвестно откуда, он сказал мне: „Тебе больше не следует делать эту работу“. Когда я сейчас об этом рассказываю, мне на глаза наворачиваются слезы. Этот голос потряс меня до глубины души. Голос был моим, но было бы неверным утверждать, что это я произнесла эти фразы. Вот, наверное, как я могу описать случившееся...»

А вот что сказал голос, явившийся во сне отставному чиновнику: «А теперь иди в подвал и открой тот пыльный плетеный сундук». В этот момент он почувствовал, что настало время разобраться со своим прошлым. Он проснулся с ощущением, что получил приказание высшей силы, которая находится вне пределов его Эго.

Тот, кому приходилось слышать подобный голос и внимать ему, обладает, с точки зрения аналитической психоло-

гии, религиозной установкой. Под религиозностью в данном случае следует понимать связь с Самостью, внимательное отношение к ней со стороны осознающего Эго. Вот как Юнг описывает взаимосвязь между Эго и Самостью:

«Эго, по определению, подчинено Самости и относится к ней как часть к целому. <...> Однако, как только наша свободная воля обнаруживает свои пределы, то тут же <...> вступает в конфликт с фактами Самости <...> В самом деле, хорошо известно, что Эго не только бессильно против Самости, но иногда даже ассимилируется бессознательными компонентами личности, пребывающими в процессе развития, и сильно изменяется под их воздействием...» (Jung, GW: 9/2, 9).

Вследствие постулата Юнга о связи между более слабым Эго и более могущественной Самостью может сложиться неприятное, вызывающее отторжение представление о том, что Эго является неполноценным, слабым¹. Однако такое нелестное мнение было бы односторонним. Французский пианист Люка Дебарг знает по собственному опыту о том, что более могущественная Самость может оказывать на Эго живительное и плодотворное воздействие:

¹ В марте 2017 года Федеральный президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер произнес во время церемонии вступления в должность фразу: «Да поможет мне Бог!» Один из журналистов написал по этому поводу, что с помощью этой древней молитвы Штайнмайер просил о помощи свыше, признавая свою неспособность самостоятельно справиться со своими обязанностями.

«Музыка глубоко духовна. Она имеет дело с душой. Надо быть очень внимательным и открытым окружающему. Речь не идет об Эго. Я, например, вообще не знаю, чего я хочу. Я принимаю естественный ход событий. Я не могу иначе. Я просто делаю то, что должно» (Debargue, 2016).

Люка Дебарг говорит о том, что старается держать свое Эго открытым потоку бессознательного, и ему видится, что без этого нельзя. Подлинная задача Эго состоит в том, чтобы впитывать творческое содержание, в данном случае музыки, и придавать ему форму, как для себя, так и для других. Источник творчества, таким образом, находится в коллективном бессознательном, о чем писала также Янне Теллер. Это явление известно и ученым. Говорят, что химик-органик Август Кекуле открыл кольцевую структуру молекулы бензола после того, как увидел внутренним взором змею, кусающую собственный хвост. Кекуле много размышлял о структуре бензольного кольца, но его размышления оставались бесплодными, пока однажды, задремав, он не увидел в своем воображении этот образ. Прорыв оказался возможным благодаря тому, что его Эго уделило внимание этому образу, а не сочло его нелепым либо несущественным. Только осознающее Эго способно обнаружить сокровища. Самость нуждается в Эго, чтобы обнаружить и проявить себя. В конечном итоге Эго и Самость нужны друг другу, поэтому вопрос главенства в принципе неактуален. Вот что пишет по

этому поводу Ангел Силезский:

«Я так же велик, как Бог, Он так же мал, как я:

Он не может быть надо мною, я не могу быть под Ним» (цит. по: Hultberg, 2009, S. 225).

Образы Бога, известные с незапамятных времен, не говорят нам напрямую о возможности существования Бога. Физик Вольфрам Шоммерс (Schommers, 1997, S. 498), а также нейробиологи Солмс и Тернбулл (Solms&Turnbull, 2004, S. 69) полагают, что мы в принципе не можем делать какие-либо научно обоснованные утверждения о фундаментальной реальности либо говорить о существовании или несуществовании Бога, поэтому нам следует довольствоваться его образами. При этом мы не знаем, в какой степени эти образы близки истинной конфигурации фундаментальной реальности. Это исходное допущение перекликается с определением архетипа по Юнгу; оно представляет для нас интерес в связи с тем, что Юнг считал архетип Самости самым главным архетипом (Jung, GW: 9/2, 422). Подобно любому другому архетипу, Самость саму по себе невозможно увидеть воображением, она непостижима и не поддается определению, поскольку составляет часть фундаментальной реальности. И как любой другой архетип, Самость можно лишь с большей или меньшей точностью представить в образах, символах или аллегориях. Архетип Самости преимущественно проявляется в образах Бога в различных религиозных традициях. В плане психологии эти образы и сами системы верова-

ний представляют собой проекции психических процессов. Самость, как и любой другой архетип, непознаваема и скрыта за этими проекциями. Это, в свою очередь, не означает, что люди не могут иметь доступ к этой реальности, преодолевая «границы» с помощью интуиции, видения или переживания.

Подобно эго-комплексу, Самость не является чисто духовным феноменом, она также охватывает и тело:

«В западной психологии Самость, напротив, обозначает целостность, охватывающую инстинкты, физиологические и полуфизиологические феномены. Действительность же чисто духовную мы представить себе не в состоянии по указанным выше причинам» (Jung, GW: 11, 808).

«Божественная сфера, выражаясь психологически, начинается непосредственно по ту сторону сознания, ибо, преступив границы сознания, человек предаёт себя природному порядку: на радость или на горе себе» (Jung, GW: 11, 231).

Самость, будучи целостностью личности, имеет также и тело; при этом инстинкты и побуждения, источником которых является бессознательное, являются мощными силами. Эго сложно устоять перед ними, и это особенно очевидно, когда речь идет о голоде, жажде, сексуальности или сне. Юнг полагал, что все естественные побуждения, как и сама природа, находятся во власти Бога, при этом он не исключал, что Бог и бессознательное – это одно и то же:

«Мы не может сказать: является ли бог и бессознательное двумя различными сущностями или нет...» (Jung, GW: 11, 757).

Верующему человеку, придерживающемуся ортодоксальных взглядов, вряд ли понравилось бы отождествление Бога с бессознательным, однако это едва ли вызовет возражения у человека, который, подобно Юнгу, считает, что религия представляет собой живую взаимосвязь осознающего Эго с темными психическими процессами бессознательного (Jung, GW: 9/1, 261). Представления Юнга и выведенная им формула «Самость = непостижимая целостная личность = образ Бога» вполне могут вызывать путаницу в понятиях. Когда в обыденной жизни мы говорим о *самоуверенности*, *самосознании*, *самоуважении*, *самоутверждении* и т. д., под *само-* (*Самостью*) мы иногда подразумеваем Эго, очень часто – наше целостное бытие и крайне редко – Бога или нечто божественное. Эта формула может сбить нас с толку, и, конечно, мы можем отказаться от попыток понять ее. Однако любопытно, что хасидский исследователь Фридрих Вайнреб пишет о том, что переживание Бога – это переживание самого себя, Самости (Weinreb, 2002, S. 34) и таким образом, как и Юнг, объединяет эти два феномена.

Символы Самости

В какие образах и символах проявляется Самость?

«Что касается самости <...>, то ее символы варьируют от высших до низших» (Jung, GW: 9/2, 57).

Это утверждение противоречит представлению о Самости как исключительно «хорошей». Самость включает не только позитивное, искупляющее и исцеляющее, но и самое страшное, что только можно себе представить. Немецкий богослов Майстер Экхарт писал в этой связи о том, что ад находится на дне человеческой души (von Franz, 1978, S. 114).

Примером того, как такие крайности могут сосуществовать, является сновидение мужчины, которое он увидел в 15-летнем возрасте и воспоминание о котором сохранил на всю жизнь (см.: Steiner, 2013, S. 67). Во сне он видит себя стоящим посреди полностью разрушенного города. Вокруг него руины и искореженный металл. Рядом с ним в маленьких лужицах воды отражается радуга великолепных оттенков. Сновидец впадает в экстатическое состояние. Экстаз – это не подконтрольное нам явление, мы не управляем им, он просто происходит. Поэтому я предполагаю, что сновидец испытал во сне волнующее, воодушевляющее переживание Самости. Образы разрушенного города и радуги могут быть противоположными полюсами Самости и вызывать интенсивные эмоции страха и отчаяния, но также и заворажи-

вать, вплоть до переживания экстаза. В сновидении разрушению сопутствует абсолютное контрастное явление – разноцветная радуга, при виде которой многие люди испытывают восторг. Радугу называют мостом, соединяющим землю с небесами, и в древности она символизировала связь человека с Богом, Эго с Самостью. Одним из наиболее известных образов является радуга, ниспосланная Богом после Великого потопа в качестве знамения завета между Богом и людьми. Психотерапевт мужчины-сновидца рассказывал, что во внутреннем мире его пациента царили безнадежность, отчаяние и разрушенные объекты – полная безысходность. Однако если смотреть на сновидение во всей его целостности, то наряду с разрухой в нем есть и нечто прекрасное. Хотя сложно иметь дело одновременно с ужасным и прекрасным, это сновидение может стать поводом задуматься над такой возможностью. Речь идет о жесткости и доброте не только во внешнем мире, но и в самом человеке. Это вопрос о том, как может человек подвергаться мучениям других людей и вместе с этим быть любящим при других обстоятельствах. Это загадка человеческой бездны и деструктивности, и это также часть Самости. Вот как Юнг описывает разнообразие содержания символов Самости:

«Эмпирически Самость также ощущается не только как субъект, но и как объект, и как раз в силу своих бессознательных компонентов, которые могут достичь сознания только через проекции, т. е.

косвенно. Из-за этих бессознательных компонентов Самость в такой мере отдалена от сознания, что она лишь отчасти выражается человеческими фигурами, отчасти же – вещественными абстрактными символами. Человеческие фигуры – это отец и сын, мать и дочь, король и королева, бог и богиня. Териоморфными символами являются дракон, змея, слон, лев, медведь или столь же могущественные звери, либо, напротив, паук, рак, бабочка, жук, червь и т. д. Растительными символами являются, как правило, цветы (лотос и роза!). Последние переходят к геометрическим образам и формам, таким, как круг, шар, квадрат, квадратичность, часы, небосвод и т. д. Неопределенная широта распространения и охвата бессознательных компонент делает также невозможным полное постижение и описание человеческой личности» (Jung, GW: 9/1, 315).

Такое многообразие символов может сбить с толку, его сложно понять с точки зрения логики. Как можно ориентироваться в жизни, если Самость, как мы видим, может быть спроецирована на самые разные объекты – людей, животных, растения, абстрактные либо неодушевленные фигуры, на самое ценное и на всякие пустяки? Не рискуем ли мы, предполагая Самость во всем и в каждом? Да, риск велик. Поэтому, как правило, на возможное присутствие Самости указывает не только содержание образа, но и сопутствующее эмоциональное переживание. Потрясение, удивление,

испуг или экзистенциальные переживания – вот лишь некоторые из чувств, которые описывают люди, оказавшиеся перед лицом Самости. Кроме того, этим чувствам часто сопутствует субъективная уверенность в прикосновении к чему-то значительному, грандиозному или священному. Также тесно связано с Самостью воодушевление, энтузиазм, тем более что «энтузиазм» в переводе с греческого означает «исполненность Богом» или «одержимость Богом».

Самость как Бог Отец, Эго как Бог Сын

Представление о том, что образ отца или матери может проецироваться на Самость, основывается на идее развития Эго из Самости:

«Самость, как и бессознательное существует a priori, и из нее развивается Эго. Она есть бессознательное предвосхищение Эго. Это не я создал себя, скорее, я оказался собой» (Jung, GW: 11, 391).

В этом описании эго-сознание предстает как дитя бессознательного, которое становится все более автономным, но никогда не приобретает полной независимости, полной свободы от бессознательного. Эго и бессознательное, так же как Эго и Самость, остаются навечно связанными, то решительно конфликтуя друг с другом, то более или менее плодотворно сотрудничая. Если рассматривать бессознательное как родителей Эго, то неудивительно, что в течение всей истории человечества образы матери и отца проецировались на Самость. Однако эти образы не ограничиваются рамками реальных отца и матери, что видно на примере библейского Бога, который, подобно отцу, сотворил человека по своему образу и подобию². Хотя образ человека (Эго) чрезвычай-

² Есть разные варианты перевода выражения «по образу Своему». В одних слу-

но похож на образ Бога (Самость), между ними есть множество различий: так, Бог Отец всемогущ, всеведущ, бессмертен и обладает неиссякаемой созидательной силой. Бог кажется похожим на человека, но при этом сильно от него отличается. Если мы проецируем образ Бога Отца на своего земного отца либо другого человека, то тем самым мы наделяем этого человека сверхчеловеческими качествами, восхищаемся им и поклоняемся ему, либо, наоборот, чрезвычайно боимся и ненавидим его. Подобные проекции могут быть «заразными» и распространяться на многочисленные группы людей, порой на целые народы. В результате все больше и больше людей охвачены идентичными проекциями и общим представлением о реальности; затем этот взгляд официально признается, например, государственной религией или идеологией. Оказавшихся в меньшинстве сомневающихся тут же записывают в еретики либо предатели, с тем чтобы по истечении некоего периода времени, когда на смену старым идеям придут новые, реабилитировать их и назвать первоходцами.

Тот, кто как Юнг, полагает, что Самость – это божественное, тот видит в библейских текстах символическое описание внутриспихических процессов, которые заставляют людей иметь дело не только с внешними обстоятельствами, но

чая древнееврейское слово «целем» переводят как «подобие», в других – как «теновой образ». В последнем случае человек предстает в качестве тенового образа Бога (Graf, 2009, S. 87).

и с частями собственной личности. Книга Бытия может многое поведать нам о развитии человеческого сознания и рождении Эго. Вкусив плоды с древа познания, человек обрел способность различать добро и зло. В Библии человеческая сущность представлена как способность оценивать действия и ситуации с морально-этической точки зрения. Правда, это имело свои последствия и привело к изгнанию из рая, то есть осознанность и в самом деле имеет последствия. Человек утратил гармоничную связь с природой и перестал ограничиваться только ее законами, и в Библии эта утрата первозданной невинности описана как изгнание из рая. Это указание на «неудобный» аспект осознанности: способность понимать и оценивать последствия своих действий делает человека практически единственным существом на земле, отвечающим за свои поступки и при этом осознающим эту ответственность. В психологическом плане с появлением осознанности мы теряем младенческую невинность. При определенных обстоятельствах это может восприниматься как обуза или даже угроза, как в случае 50-летнего пациента. Он был крайне недоволен, когда психотерапевт впервые предложила ему поразмышлять о своих внутренних ресурсах. Его гнев был связан с тем, что он хотел найти слушателя, который может предоставить ему теплое отношение и поддержку, а не будет побуждать его к самопознанию и повышению осознанности. Что-то в нем (все еще) противилось осознанности – это угрожало его чувству безопасности.

Поскольку осознанность всегда связана с пониманием различий, она влечет за собой разрыв связей и приводит к независимости. Некоторые люди при этом могут испытывать одиночество, потерю ориентиров или чувство отверженности, и поэтому они пытаются избежать осознанности. В первую очередь таким чувствам подвержены люди, не имеющие опыта надежной привязанности.

Для эго-сознания требуется устойчивое, отзывчивое Эго. В связи с этим в процессе психотерапии чрезвычайно важна работа с Эго, так как без сильного Эго невозможно осознанно противостоять внешним и внутренним вызовам. Если пациент не в состоянии преодолеть выраженную (неосознаваемую) потребность в инфантильной зависимости и защищенности, он окажется во власти сильного сопротивления к росту осознанности, во всяком случае на ранних стадиях терапии.

С точки зрения нейробиологии повышение осознанности в процессе психотерапии расширяет функциональные возможности передней доли коры головного мозга. Магнитно-резонансная томография показала, что функциональные изменения, возникающие благодаря психотерапии, наблюдаются в первую очередь в префронтальной зоне (Solms, Turnbull, 2004, S. 299).

В Библии говорится еще об одном следствии человеческой способности к познанию: человек уподобляется Богу. Юнг и Вайнреб полагают, что осознать себя означает осо-

знать Бога, а стать самим собой (обрести Самость) означает стать Богом. Таким образом, на примере библейских образов мы видим, как благодаря когнитивным способностям постепенно растет независимость, компетентность и эффективность Эго и при этом шаг за шагом отступает ощущение ничтожества, бессилия и беспомощности. Другими словами, все те качества, которые некогда приписывались Самости (образу Бога) и отрицались у человека, становятся доступны ему. Греческая мифология описывает такое развитие как своего рода похищение, примером чему служит миф о Прометее, укравшем огонь у богов для того, чтобы отдать его людям. Обладание огнем – это важный шаг на пути к независимости от власти богов.

В библейском контексте сознание – это не подарок. Адам и Ева обрели осознанность только благодаря неповиновению. Неповиновение – это *conditio sine qua non*, то есть обязательное условие обретения осознанности. Примечательно, что в библейских образах и Бога, и людей прослеживается тенденция связи познания с нарушением табу и пересечением границ. Согласно Книге Бытия, подобного рода поведение – неотъемлемое свойство человека, в связи с чем возникает вопрос, актуальный и по сей день: как далеко может зайти человечество, то есть Эго? Книга Бытия повествует о нарушении табу, но не обозначает границ, и таким образом на горизонте у человека маячит заманчивая перспектива уподобиться Богу. В терминах психологии в этом случае

Эго станет идентичным Самости и обретет как возможности для развития, так и риски. Юнг полагал, что людям, переставшим верить в Бога, грозит опасность подвергнуться инфляции и, следовательно, переоценить и преувеличить свою значимость (Jung, GW: 11, 142).

Эволюция Самости

Все архетипические образы, включая образы Самости, не являются статичными или вечными; скорее они носят временный характер, как отмечает Фон Франц:

«История архетипов насчитывает столетия. <...> Архетипы создают различные конфигурации, развиваются, стареют, чтобы в какой-то момент вновь раствориться в бессознательном. <...> Люди теряют к ним интерес. Это похоже на игру, которая длится вот уже сотни лет» (von Franz, 2008, S. 48).

«Все религии, убеждения и истины устаревают. Все то, о чем когда-то очень много говорили, и то, что на протяжении долгого отрезка времени определяло развитие общества, является в определенном смысле ущербным, потому что оно стареет. Оно становится частью механизма человеческой жизни, становится слишком известным, само собой разумеющимся, вполне осознанным. У людей возникает ощущение, что они держат это под контролем, потому что очень хорошо знают. Это касается в первую очередь высших человеческих ценностей <...> Когда высшие человеческие ценности истощаются, пообтрепавшись, когда они утрачивают свое потрясающее, первородное божественное качество, то тогда всех нас поджидает очень большая опасность. Так, например, соблюдение табу деградирует до уровня выполнения каких-либо

простых формальностей, при этом первоначальный смысл запрета полностью утрачивается. Миф, который лежит в основе каждого запрета, больше никого не трогает» (ibid., S. 27).

Образы Бога возникают, или, можно сказать, порождаются, только для того, чтобы состариться и через какое-то время умереть. Они подвластны разрушительному действию времени, и наступает момент, когда «Бог мертв», как сказал Ницше. Тогда образы Бога окончательно теряют смысл, становясь пустой оболочкой. Они сохраняют значимость только в конкретном историческом контексте и напоминают нам о том, что некогда считалось важным. Например, в наши дни большинство людей едва ли верит в человекоподобного Бога, представляя его седовласым старцем, сидящем на небе. Этот образ Бога утратил свое влияние и ценность. Тем не менее это не означает, что те, для кого нет особого смысла в образе небесного Бога Отца, являются атеистами. Почти две трети населения Германии верит в существование высшего порядка или некой Высшей энергии, оказывающей влияние на нашу жизнь. Размышляя о том, что будет, когда люди откажутся от проекций традиционного образа Бога, Юнг писал о тенденции прибегать к абстрактным образам:

«Опыт мандал типичен для людей, которые уже не могут проецировать божественный образ. Им грозит опасность инфляции и диссоциации. Круглые или квадратные ограждения имеют значение

магических средств, с помощью которых создаются защитные стены, чтобы предотвратить прорыв и дезинтеграцию. Таким образом, мандала обозначает (и поддерживает) исключительную концентрацию на своем центре, а именно на Самости. Это состояние никоим образом не эгоцентрическое. Напротив, это необходимый самоконтроль, препятствующий инфляции и диссоциации» (Jung, GW: 11, 156).

Предсказывая отмирание образов Бога и угрозу стабильности эго-комплекса со стороны первичного вакуума, Юнг в некотором роде смог с помощью своей интуиции заглянуть в XXI век. Если мы обратимся к спискам англоязычных бестселлеров крупного книжного интернет-магазина, то мы увидим тенденцию к росту интереса к абстрактным образам, о которых писал Юнг. В августе 2015 года был отмечен высокий спрос на раскраски для взрослых с изображением мандал. Он подогревался рекомендациями ученых, полагавших, что концентрация внимания на линиях, границах и формах способствуют оптимизации функционирования мозга. Популярность пособий по снижению уровня стресса также свидетельствует о возрастании количества людей, нуждающихся в стабилизации эго-комплекса. Похоже, что эту коллективную потребность удовлетворяют абстрактные геометрические формы, испокон веков использовавшиеся в сакральных изображениях.

Абстрактные образы Бога

Вот как Юнг излагает идею о том, что Бог является высшей силой или энергией:

«Тем самым Бог осмысливался бы как средоточие не только духовного света <...>, но и как темнейшая, самая нижняя причина всякого природного мрака. Вот он, чудовищный парадокс, явно соответствующий глубокой психологической правде. Ведь его суть – не что иное, как противоречивость одной и той же сущности, сущности, сокровенная природа которой – напряжение между противоположностями. Наука называет эту сущность энергией» (Jung, GW: 8, 103).

«Самость <...> не просто некая статическая величина или постоянная форма, но также и динамический процесс. Подобным образом древние рассматривали *imago Dei* в человеке не как простой отпечаток или безжизненный стереотип, но как активно действующую силу» (Jung, GW: 9/2, 411).

Представление о Боге как незримой вездесущей энергии существует с незапамятных времен. В древних культурах эту энергию называли Мана, Нуминоз, Вакан или Оки – вот только несколько ее наименований. Некоторые из них обозначают не только энергию, но и нечто сакральное, могущественное, созидательное, бесконечное или бессмертное. В древности полагали, что эта энергия абсолютно не мате-

риальна и что ее можно направить куда угодно, используя для этого пост, молитву, танец, прикосновения к священным предметам или различные дыхательные техники. Таким образом можно овладеть частью этой энергии. С психологической точки зрения речь идет о насыщении энергией эго-комплекса, которая затем может использоваться в качестве свободной воли, осознанности познания или социальной активности. Большая часть этой энергии души, которую Юнг называл либидо, остается вне доступа и находится в бессознательном; она проявляется лишь в качестве желаний, влечений, побуждений, эмоций или интересов (Jung, GW: 5, 188 etc.).

Концепция энергии трансцендентна по отношению к моральным и эстетическим категориям. Так, солнце одаривает своей энергией праведников и грешников, под его лучами произрастают как полезные растения, так и сорняки. Это свойство энергии описано в Ветхом Завете в образе Яхве, известного своей аморальностью. Этот Бог, так же как и Самость, непредсказуем.

Глава 2. Динамика представлений о судьбе и Самости

Диффузия ответственности

Образы Самости тесно связаны с темой судьбы – всего того, что выпадает на нашу долю и чего нам не избежать. За последние десятилетия представления о неизбежном значительно изменились. В нашем распоряжении имеется огромное количество возможностей, последствия которых трудно предугадать. В связи с этим нам порой сложно принимать решения, и когда мы имеем дело с обстоятельствами вне нашего контроля, важно разобраться, где начинается человеческая ответственность и где она заканчивается.

Такое разграничение ответственности оказалось жизненно необходимым для женщины, которой приснился сон, повергший ее в глубокую печаль и отчаяние: «Я родила ребенка, он крошечный и умещается у меня на ладони. У него такая гладкая кожа, что он буквально выскользывает из моей руки. Я вижу, что ему холодно, но так как он очень маленький, у меня не получается запеленать или одеть его. Я хочу приложить его к груди, но не могу, потому что мои груди слишком большие для него. Младенец жив, я рада этому. Но

он дрожит. Он замерзает и умирает».

В течение очень длительного времени образы этого сновидения преследовали женщину, она чувствовала себя ответственной за смерть младенца. Чувство вины пошло на убыль только после того, как она осознала, что сделала все возможное в этой ситуации. Женщина смогла смириться со смертью этого крошечного существа, поскольку она была неизбежна. Вина сновидицы стала отступать с того момента, как она избавилась от гипертрофированного чувства ответственности. На бессознательном уровне женщина полагала, что судьба находится во власти человека, а фантазии о всемогуществе такого рода часто являются источником чрезмерного чувства вины. В случае подобного распыления ответственности важно все расставить по своим местам, и тогда уровень ответственности Эго может стать более приемлемым – в некоторых ситуациях он снизится, а в некоторых, наоборот, станет выше.

От Гомера нам известны представления о судьбе древних греков – они придавали очень большое значение разграничению ответственности. В те времена люди верили, что деяния людей и богов тесным образом взаимосвязаны. Ни одно решение или поступок не приписывался исключительно человеку, поскольку людей всегда окружали боги, которых считали первопричиной всех значимых событий.

Человеку полагалось не забывать, что своим успехом он обязан исключительно помощи богов, так же как в случае

неудачи отвечать за последствия должны были те, из-за кого это произошло. Тем не менее вмешательство богов предполагало разделение ответственности. Талант и удача, отвага и мудрость так же, как и трусость, несостоятельность и невежество, – все это зависело от богов. Даже хорошая идея считалась не просто плодом человеческой мысли, а даром богов. Однако человек обладал свободой в том плане, что от него зависело, воспользоваться ли хорошей идеей или шансом, последовать ли совету богов, но при этом он брал на себя ответственность за свой выбор.

В психологическом плане это означает, что для греков Самость была источником и разрушения, и величия. Только способность разграничивать трансперсональное влияние и индивидуальную ответственность позволяла им избегать безосновательного самоуничтожения либо высокомерия. Быть мудрым означало жить в согласии с собственной Самостью и уметь отличать то, что неподвластно человеку, от подконтрольного и осуществимого. Однако разграничение этих сфер считалось делом нелегким, так как границы между человеческой и божественной зонами ответственности были достаточно подвижными. Такого рода зыбкость требует уважительного отношения к Самости и Эго.

Представления о судьбе и дух времени

Что же тогда подвластно человеку и как ему подготовиться к тому, что его ждет? В новелле Иеремии Готхельфа «Черный паук», опубликованной в 1842 году, рассказывается о том, как люди представляли себе это в эпоху позднего Средневековья. В основе сюжета – многовековая история, связанная с черным деревянным оконным косяком. Во время обряда крестин пожилой глава семейства рассказывает гостям о начале этой истории. Шестьсот лет тому назад деревня принадлежала рыцарю, который нещадно эксплуатировал крестьян и заставлял их делать самую тяжелую работу. Однажды он потребовал, чтобы они пересадили 100 огромных буков. Крестьяне знали, что если они примутся за эту работу, их собственные поля придут в запустение и их семьям будет грозить голод. Ситуация казалась безвыходной, но тут появился дьявол в облике странствующего охотника и предложил крестьянам помощь. В качестве вознаграждения он потребовал отдать ему некрещеного младенца. Возмущенные крестьяне отвергли его предложение и обратились за помощью к Богу, но тщетно – Бог не явил им себя и не вступился за них, и крестьяне не справились с задачей.

Когда дьявол повторяет свое предложение, вступить в переговоры с ним отваживается только Кристина, недавно при-

ехавшая в деревню. Она говорит ему, что ни один христианин не отдаст некрещеного младенца, но дьявол настаивает на таком вознаграждении. Тогда Кристина соглашается, и в ознаменование сделки дьявол целует ее в щеку, от чего она на мгновение застывает. Крестьяне в отчаянии, они пытаются подсчитать: «Что значит единственный некрещеный младенец в сравнении со страданиями целой деревни? Да к тому же и Кристина уверена, что сможет перехитрить дьявола». В итоге они соглашаются на сделку, и как только дьявол выполняет требование рыцаря, в деревню возвращается радость. Однако когда в деревне рождается очередной младенец, священник отказывается отдать эту душу дьяволу и крестит его. Крестьяне ликуют в уверенности, что им удалось обмануть дьявола. Но когда наступает время разродиться следующей женщине, щека у Кристины начинает нестерпимо болеть: в том месте, где ее поцеловал дьявол, возникает черное пятно, которое постепенно превращается в черного паука. Когда священник крестит и второго младенца, из пятна на щеке Кристины вылупляется множество крошечных паучков. Все отворачиваются от Кристины из-за того, что ее лицо становится безобразным.

С этого момента людей и скот начинает косить чума, и крестьяне понимают, что это дьявол напоминает им таким образом о невыполненных обязательствах. Кристина в конце концов убеждает жителей деревни не крестить следующего ребенка и отдать его дьяволу, чтобы не было еще большей

беды. Однако священник не поддается на уговоры и крестит следующего младенца, после чего дьявол исчезает из деревни, а Кристина превращается в паука. Поскольку она дотрагивалась до священника и до младенца, они оба обречены на смерть. Крестьяне начинают ссориться между собой, обвиняя друг друга в том, что произошло, и выгораживая себя; каждый утверждает, что он знал, что так будет, и предупреждал. Все согласны с тем, что виновные должны быть наказаны, но никто не хочет оказаться виноватым и понести наказание. Отныне паук становится всеобщей угрозой, одно только прикосновение к нему грозит смертью. Любая попытка убежать от него либо уничтожить его обречена на провал. Наконец, женщина, ребенок которой был крещен и таким образом спасен благодаря отважным действиям священника, находит выход: она хватается паука, засовывает его в отверстие в одном из деревянных оконных косяков и затыкает отверстие освященным колышком. Поскольку она прикасалась к пауку, она также обречена на смерть. Однако ее поступок приводит к тому, что Черная Смерть, то есть чума, отступает. В деревне воцаряется мир и спокойствие.

После того как старик окончил свой рассказ, гости стали с оглядкой возвращаться к столу: они опасались сидеть рядом с окном с черными деревянными откосами. Только старику хватило храбрости сесть рядом с окном: он был уверен, что паук не выберется из ловушки до тех пор, покуда люди помнят о Боге. Поскольку все мысли гостей были заняты исто-

рией о пауке, старик решил рассказать историю до конца:

В течение последующих столетий люди жили в страхе Божьем, их деревня процветала, а сами они разбогатели. Но, как говорится, «в людях, на которых щедрее всех сыпется благодать Божья, бывает, заводится червь». Со временем жители опять стали забывать Бога. Так же, как когда-то рыцари мучили крестьян, так теперь они сами обращались со своими слугами и батраками. В течение двухсот лет паук оставался в дверном косяке, пока в доме не появилась еще одна женщина из чужих краев. Вместе с женой своего сына Кристена они мучили прислугу и скот. И еще они решили построить новый дом, а старый оставить прислуге. Кристен был уверен, что со старым домом связано семейное благополучие, но ему не удалось переубедить двух женщин.

Старый дом был отдан слугам, и вот в Рождественский сочельник один из них вытаскивает затычку из косяка. Все замерли, когда из отверстия вылез черный паук. Крестьяне вновь начинают умирать от чумы, а те, кто уцелел, обвиняют в своих бедах Кристена. Все вдруг опять стали благочестивыми, убеждая себя в том, что они всегда были такими, и один только Кристен якобы является безбожником. А тот опять переселяется в старый дом, находит и освящает колышек, как и его предки, и собирается заточить паука в ту же самую тюрьму. При этом он понимает, что этот поступок будет стоить ему жизни. И действительно, после его смерти в деревню возвращаются благополучие, мир и процветание.

Спустя 200 лет старьй дом вновь становится непригодным для жилья, однако его хозяева долгое время не решают-ся строить новый. Но однажды один мудрьй человек говорит им: «Вы можете смело строить дом, только при этом две вещи должны остаться неприкосновенными: старьй оконный косяк с замурованным пауком и вера предков в то, что паук должен навеки оставаться в своей деревянной тюрьме – и тогда ваш новый дом будет благословен (Gotthelf, 2002, S. 115). Этому совету последовал и сам старик, когда настал его черед строить новый дом вместо старого. Он перенес старьй косяк в новый дом, чтобы не забывать ни о нем, ни о связанных с ним событиях. Этими словами старик завершает свой рассказ, и к гостям возвращается радостное настроение, и они продолжают праздновать крестины. А один из родственников старика заметил вслух: «Жаль только, что никогда не знаешь, чему верить в таких историях, а чему – нет» (Gotthelf, 2002, S. 116).

В наши дни многие люди остановили бы внимание на этой фразе, но давайте посмотрим правде в глаза: кто в наше время все еще верит в то, дьявол может потребовать некрещеного младенца? Немногие. Верим мы в это или нет, но новелла затрагивает архетипические мотивы, которые актуальны и сегодня.

Представление о болезни и дух времени

Как в новелле «Черный паук» объясняется происхождение болезней? Долгое время бытовало поверие, что эпидемии (две исторически подтвержденные эпидемии чумы в Европе в XIII и XV веках) возникают в результате сверхъестественных причин. Считалось, что они возникают вследствие безбожия и соглашения с дьяволом. В природных катастрофах видели не только проявление злого и бессмысленного рока, но и наказание свыше для напоминания нам о необходимости вести благочестивую жизнь. Таким образом, богобоязненное Эго наделялось способностью оказывать влияние на силы природы. Современный мир с сомнением относится к такого рода верованиям – мы больше полагаемся на вакцины и антибиотики в борьбе с инфекционными заболеваниями.

При этом в новелле иллюстрируется радикальная смена представлений о дьяволе на протяжении трех эпох. Сначала дьявол предстает в человеческом облики: он одет в зеленый охотничий костюм и ведет переговоры с Кристиной. Затем он трансформируется в паука, которого запирают, так что диалог с ним невозможен. Матери и жене Кристена нет дела до паука, они не воспринимают дьявола всерьез. На языке аналитической психологии это означает, что в данном слу-

чае отсутствует Religio – осознанное внимание к нуминозным трансперсональным силам. Эти две женщины довольно беспечны и, в отличие от Кристины, не вступают во взаимодействие с дьяволом. Но ведь именно этой беспечности оказалось достаточно, чтобы вернулась чума. В последней части во времена старика-рассказчика дьявол – только персонаж истории. Таким образом, в восприятии людей дистанция с дьяволом со временем увеличивается.

Началом дистанцирования и отчуждения от Бога и от дьявола можно считать примерно 1500 год (Wils, 2013, S. 37 etc.). До этого мир представляли магическим местом, населенным божественными и дьяволо-демоническими существами, обитающими поблизости. Люди ощущали непосредственное присутствие Бога, проявлявшееся как божественное вмешательство и целеполагание. Когда около 500 лет назад эти верования стали сдавать позиции, начался коллективный процесс ослабления веры, который привел к тому, что Бог стал абстрактным и недоступным для людей. С тех пор его непосредственное присутствие перестало казаться очевидным. То же самое касалось и дьявола – его больше не воспринимали как материальное существо. Естественно, это привело к серьезным сомнениям в существовании Бога и дьявола.

В истории известен другой пример, иллюстрирующий ослабление веры. В 1755 году Лиссабон – в ту пору один из самых богатых городов мира – был разрушен землетрясени-

ем. В воскресное утро 1 ноября в городе начались подземные толчки, которые продолжались непрерывно в течение 10 минут. Вслед за этим город охватил пожаром, одновременно начался потоп. Не менее пятнадцати тысяч человек погибло, множество зданий и ценных культурных объектов было уничтожено совместными усилиями всех четырех стихий: земли, воды, ветра и огня.

Было ли это природное бедствие деянием Божиим (Neimann, 2004, S. 26, 354 etc.)? Может, причина заключалась в том, что португальцы погрязли в грехах и должны были понести за это наказание? Идею о том, что землетрясение является божественным знаком, можно связать с всеобщим убеждением, о котором идет речь в «Черном пауке»: крестьяне были наказаны чумой за свое безбожие. Похожие мысли высказали после землетрясения богословы: Господь Бог создал человека из праха земного, и разве однажды земля не должна была вздыбиться под грузом человеческих злодеяний? Однако в идее богословов о наказании погрязших в грехах людей содержится изрядный подвох: в то время как под руинами церкви погибло большое количество благочестивых прихожан, единственным районом, который землетрясение не затронуло, был лиссабонский квартал красных фонарей, то есть спаслись только проститутки, сутенеры и их клиенты. После такого спасения грешников вера в десницу Божию, защищающую честных граждан, сильно пошатнулась, а диктат церкви о страхе Божьем дал глубокую трещи-

ну. Бог оказался непредсказуемым.

Иммануил Кант написал три очерка о лиссабонском землетрясении, в которых, придерживаясь научно обоснованной теории пластин, он в духе эпохи Просвещения классифицировал землетрясение как природное явление (Neimann, 2004, S. 359). Одним из уроков, извлеченных благодаря этому землетрясению, стало понимание того, что мир создан не для удобства человека. Землетрясения, природные катастрофы и эпидемии неподвластны моральным категориям и не являются следствием проступков либо безбожия человека, а имеют объяснение с геологической, биологической или медицинской точки зрения. Важным этапом на пути отказа от представлений о магическом мире стала эпоха Просвещения, в которую возобладала вера в человеческий разум, рациональность и естественные науки. Как говорится в новелле, мы не знаем, чему верить в этих старых историях, а чему – нет. Мы больше либо не хотим, либо не можем верить в божественное сотворение. Перед лицом законов природы безбожие теряет свою значимость. Вера и молитвы кажутся ненужными, бессмысленными, порой даже опасными. Логическим развитием этой идеи стал заголовок первого номера «ГЕО» за 2015 год: «Нужен ли нам Бог?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.